

С.М. Хенкин

Культурно-историческое своеобразие Средиземноморского региона

***Аннотация.** В статье воссоздана ретроспектива историко-культурного развития Средиземноморского региона с древнейших времен. Значительное внимание уделяется современным реалиям, в частности проблеме Север–Юг, во многом определяющей цивилизационное своеобразие этого региона.*

***Abstract.** The article discusses in the retrospective way the cultural-historical development of Mediterranean region from ancient times. It focuses on modern realities, in particular – the problem of the North–South divide, which defines the civilizational diversity of the region.*

***Ключевые слова:** Средиземноморье, цивилизация, международно-политический регион, Евросредиземноморское партнерство, стабильность.*

***Keywords:** Mediterranean region, civilization, international political regionalism, Union for the Mediterranean, stability.*

Средиземноморье, протянувшееся от Гибралтара до Суэцкого перешейка и Красного моря, представляет собой уникальное географическое и историческое пространство, где встречаются и расходятся три континента – Европа, Азия и Африка¹. Это зона встреч цивилизаций, здесь сосредоточены

¹ Следует иметь в виду, что в научной литературе термин «Средиземноморье» используется как в узком, так и – реже – в широком смысле. В узком смысле имеются в виду территории, непосредственно прилегающие к Средиземному морю, в широком – пространство от Гибралтара до Черноморской зоны включительно. В настоящей статье этот термин используется в узком смысле.

крупнейшие религии мира (христианство, мусульманство, иудаизм). Многие столетия Средиземноморский регион оставался центром мировой жизни, влияние которого распространялось далеко за его пределы.

Средиземное море омывает берега 21 государства трех континентов. Средиземноморский регион – это своего рода пестрое лоскутное одеяло, регион регионов, точнее, субрегионов. Он включает Южную Европу, Балканы, Ближний Восток, Северную Африку. Здесь присутствуют страны, находящиеся на различных уровнях социально-экономического развития, с разными политическими системами.

Целостность этого региона определяется наличием жизненно важного транспортно-коммуникационного пути – Средиземного моря. Геополитическое единство региона обусловлено также общими для всех находящихся здесь стран вопросами стабильности и безопасности. По существу, Средиземноморье можно рассматривать не только как географический, но и как международно-политический регион, поскольку государства, расположенные здесь, объединяет проблемно-политическая общность (2, с. 8).

Из истории средиземноморских цивилизаций

Средиземное море справедливо называют колыбелью человечества. На его берегах появилось множество культур и цивилизаций, в том числе самых могущественных, на развалинах которых сформировался современный цивилизованный мир, – месопотамская, египетская, персидская, финикийская, иудейская, древнегреческая, римская, арабская, армянская, турецкая.

Здесь сложились исключительно благоприятные климатические и географические условия для межэтнического и межкультурного общения. Каждый этнос и каждая культура могли одновременно общаться не с одним-двумя, а с десятками иных этносов и культур. По замечанию российского ученого Р. Ланды, «с древнейших времен люди гораздо меньше боялись воды, чем мертвых пустынь, непреодолимых гор и непроходимой чащи лесов, кишевших хищниками. Поэтому, как ни парадоксально, водные пути, несмотря на бури и кораблекрушения, издревле функционирова-

ли регулярнее, чем сухопутные, когда речь шла о больших расстояниях» (9).

Контакты способствовали лучшему узнаванию соседей по Средиземноморскому бассейну, обмену хозяйственным и культурным опытом, взаимопроникновению языков. Разумеется, контакты народов не всегда носили мирный характер торговых и культурных обменов. Зачастую это были военные походы и истребительные войны. Примечательно, что и во время войн цивилизации продолжали в техническом отношении влиять друг на друга. Военно-технические новшества переходили от одной стороны к другой, материальная база войны становилась одинаковой.

На протяжении многих веков лидерство переходило от одной этнокультуры к другой, причем последующая вбирала многие элементы предшествующей, обогащалась ею и приобретала синкретический характер. Средиземноморье стало родиной большинства известных человечеству синкретических цивилизаций, убедительно доказав возможность преодоления барьеров между расами, религиями и духовными мирами (9).

Первые великие цивилизации появились в IV тыс. до н.э. на восточном берегу Средиземноморья – шумерская в Месопотамии и египетская. Торговые пути соединяли Египет и Месопотамию с Малой Азией и Закавказьем. По ним перевозились драгоценное дерево, шерсть и металлы. Развитие торгового флота превратило Восточное Средиземноморье в связующее звено между Ближним Востоком, Европой и Северной Африкой. Египетская цивилизация, просуществовавшая дольше месопотамской, развивалась в условиях постоянных иноземных влияний. Многие сопредельные территории (Сирия, Палестина, Ливия) становились объектом экспансии Египта. Вместе с тем и сама эта страна неоднократно попадала под чужеземное иго.

Воздействие разнообразных культур испытала и еще одна из самых известных цивилизаций Средиземноморья – древнегреческая. Она усвоила достижения Древнего Египта, Сирии, Финикии, Персии.

1200–800 гг. до н.э. стали временем расцвета Финикии – государства на восточном побережье Средиземного моря с центром в современном Ливане. Финикийцы создали мощную цивилизацию, отличавшуюся развитыми ремеслами и богатой культурой. Одним

из крупнейших их достижений стало изобретение алфавитного письма, позволившего миллионам людей освоить грамоту.

Финикийцы не завоевывали соседние страны, создавая свою империю торговым путем. Они были народом мореходов. В поисках новых рынков сбыта и дешевого сырья корабли финикийцев плавали по всему Средиземному морю, заходили в воды Атлантики. Их опорные пункты появились в западной части Средиземноморья – в Северной Африке, на Сицилии, Сардинии и Корсике, на Пиренейском полуострове.

Самой крупной колонией финикийцев стал Карфаген, влияние которого распространилось на все средиземноморское побережье Магриба и Испании. Стремясь добиться полной гегемонии над западной частью Средиземноморья, Карфаген столкнулся с могущественной Римской республикой, объединившей под своей властью практически всю Италию. Рим сражался с войсками Карфагена в трех Пунических войнах и в конце концов разгромил его и уничтожил.

К началу I в. до н.э. Рим превратился в столицу огромной средиземноморской державы, добившись политического единства всего Средиземноморского региона. По словам известного британского историка Дж. Норвича, «Рим стал бесспорным хозяином Средиземноморья» (12, с. 72). Не случайно римляне называли Средиземное море «Mare Nostrum» («Наше море»), а другие народы – «Римским озером».

Отличительной особенностью римской общины была ее открытость, готовность принимать новых граждан, независимо от их этнического статуса и вероисповедания. Все жители необъятной Римской империи, в том числе и беглые рабы, получали права гражданства. Такая стратегия позволяла осуществлять успешную завоевательную политику и долгое время сохранять власть над завоеванными территориями.

Она же привела к тому, что в римской культуре соединились элементы культур разных народов Средиземноморья. Безусловно, римляне многое заимствовали у других народов. Но это было не слепое заимствование, а способность вбирать и переваривать чуждые элементы, сохраняя свои особенности (7, с. 14–15.)

Именно так обстояло дело с римским законодательством, которое на протяжении столетий обладало непререкаемым авторите-

том и стало действительно универсальным для всех народов Средиземноморья. Римское право было взято на вооружение христианством, поскольку содержало важнейшие для последнего идеи всеобщей справедливости и равенства людей перед Богом. Римское законодательство представляло собой синтез национальных и общесредиземноморских правовых норм, римского права и христианской морали (7, с. 14–15).

После падения Римской империи целостность развития Средиземноморья была утрачена. Возобладала существовавшая и в «доримскую» эпоху разнвариантность развития. В разное время определились два культурных центра – Византия и Аль-Андалус.

Первоначально лидирующее положение в Средиземноморье заняла Византия, просуществовавшая почти тысячу лет (476–1453). Одно из важных отличий Византии от Западной Римской империи состояло в преобладании на ее территории греческой культуры. Византия, находившаяся на перекрестке культурных влияний Востока и Запада, сохранила античное наследие и донесла его до многих стран средневековой Европы, подготовив почву для эпохи Возрождения. Не менее существенно и то, что Византия обогатила мир православной культурой. Благодаря ей православие стало достоянием Древней Руси, Болгарии, Сербии, Албании и многих других стран.

Примерно три столетия спустя еще одним культурным центром Средиземноморья стал Кордовский халифат в Испании. В 711 г. мусульманские армии, состоявшие из африканских арабов и берберов (в Испании тех и других именовали либо маврами, либо арабами), пересекли Гибралтарский пролив и за несколько лет почти полностью захватили Пиренейский полуостров, сокрушив существовавшее здесь Вестготское государство.

Захваченные земли арабы стали называть «Аль-Андалус». Переживавшая в VIII–X вв. период экономического расцвета мусульманская Испания превратилась в политический и культурный центр Европы. Кордовский халифат прославился своими выдающимися достижениями в области философии, медицины, поэзии, музыки, архитектуры. Арабы оказали большое влияние на культуру и науку Испании, Португалии, Италии (особенно Сицилии и Сардинии), Франции (прежде всего ее южной части), Мальты.

Примечательно, что Византия и Аль-Андалус поддерживали постоянные контакты, хотя и были разделены водами Средиземного моря. Между ними имели место торговые сношения, связи интеллектуального характера, которые осуществлялись через христианских и мусульманских паломников (9).

Многие годы Средиземноморье оставалось крупнейшей зоной деловой активности и обменов, центром самой прибыльной международной торговли. Известный французский историк Ф. Бродель, знаток истории Средиземноморья, включает в это понятие «не только само море, но и все то, что на более или менее удаленном расстоянии от его берегов приводилось в движение жизнью обменов». Ф. Бродель определяет Средиземноморье XVI в. как «особый мир-экономику», «определенное экономическое единство, которое, по правде говоря, строилось сверху, начиная с господствовавших городов Северной Италии, прежде всего Венеции, а также наряду с нею Милана, Генуи, Флоренции» (3, с. 2).

Для этого «особого мира-экономики» были характерны постоянные перемещения населения. «Люди перемещаются, невзирая на наличие государственных границ и разное вероисповедание. Этого требуют нужды мореплавания и торговли, превратности войны и морского разбоя, обстоятельства, заставляющие идти на временные союзы и порывать с ними... В Средиземноморье все смешалось: люди, идеи, верования, жизненные навыки, кодексы любви...», – отмечает Ф. Бродель (4, с. 592, 595). Вместе с тем пестрота и многоязычие крупных портовых центров (Венеция, Алжир, Ливорно, Марсель, Салоники, Александрия, Барселона, Константинополь) отнюдь не исключают того, что элементы этой смеси «не сливаются в однородную массу, остаются отдельными, обособленными и все более ясно различимыми по мере удаления от основных центров» (4, с. 597).

«Мир-экономика» Средиземноморья не считалась с политическими и культурными границами империй и цивилизаций. В XVI в. экономическая деятельность простигалась «явственно наметившиеся и весьма определенно ощущавшиеся границы между цивилизациями, делившими между собой пространство Средиземноморья: греческой, униженной и замкнувшейся в себе под игом турок; мусульманской, сосредоточенной вокруг Стамбула; христи-

анской, связанной разом с Флоренцией и Римом (Европа Возрождения, Европа Контрреформации).

Ислам и христианство противостояли друг другу вдоль разграничительной линии, проходившей с севера на юг между Средиземноморьем Западным и Средиземноморьем Восточным, линии, которая, проходя по берегам Адриатики и по побережью Сицилии, достигала побережья нынешнего Туниса. На этой линии, разделявшей надвое средиземноморское пространство, происходили все громкие битвы между "неверными" и христианами. Но торговые суда непрерывно ее пересекали» (3, с. 3).

История Средиземного моря связана с многочисленными войнами и вооруженными конфликтами. Сталкивались друг с другом империи и города-государства, отдельные страны и коалиции держав. Зачастую это были конфликты между цивилизациями. На протяжении своей истории Средиземноморье являлось ареной постоянной борьбы между Востоком и Западом, развертывающейся в планетарном масштабе. Баланс сил при этом постоянно менялся. Со времен Александра Македонского (III в. до н.э.) до падения Римской империи (V в.) Запад имел преимущество. С V в. начинает доминировать византийский и мусульманский Восток. В период Крестовых походов (XI-XV вв.) христиане овладевают Средиземным морем, и преимущество вновь переходит к Западу.

Встречи разных цивилизаций

Опыт сосуществования различных цивилизаций в средневековом Средиземноморье чрезвычайно интересен в свете современной острой дискуссии между сторонниками и противниками диалога цивилизаций. В этом отношении выделяется «испанский случай». Испания – единственная страна в Европе, где в Средние века мусульманская и христианская общины мирно сосуществовали, хотя этот мир перемежался с ожесточенным и кровопролитным противостоянием.

В 718 г., через семь лет после завоевания мусульманами Пиренейского полуострова, отряд воинов-христиан разбил мусульманскую армию в горной долине Ковадонга на северо-западе Испании, положив начало Реконкисте – отвоеванию христианами испанских земель у мусульман.

В течение семи веков, на протяжении которых шла Реконкиста, обстановка на Пиренейском полуострове отличалась невероятной сложностью и динамизмом. Военные действия, то прекращавшиеся, то возобновлявшиеся (не только между христианами и мусульманами, но и между мелкими властителями в обоих лагерях за территории и влияние), сочетались с лояльными и толерантными отношениями представителей разных конфессий.

Арабы не ломали жизненный уклад, сложившийся на Пиренейском полуострове до них. Хотя покоренное население и церковь платили завоевателям различные виды налогов, гарантировалась неприкосновенность имущества испанцев. Земли были отобраны только у церкви, лиц, бежавших или оказавших сопротивление. Завоеватели не покушались на прежнее управление, верования и обычаи.

Мусульмане не стремились силой обращать испанцев в ислам, руководствуясь прежде всего материальными соображениями. В соответствии с установленными правилами вновь обращенные платили государству меньше налогов, чем приверженцы старой веры.

Что же касается испанцев, то для них переход в ислам означал освобождение от уплаты подушной подати, возможность занятия престижной должности, а для христиан-рабов – еще и обретение личной свободы (1, с.106–108). «В исламском обществе "дешевле" было быть мусульманином, чем христианином или иудеем», – отмечает испанский автор Х.Л. Санчес Ногалес (19, с. 42).

Параллельно с военными действиями между мусульманами и христианами, контролировавшими некоторые северные области Пиренейского полуострова, в Кордовском халифате имело место их активное общение. По словам известного испанского историка Р. Альтамира-и-Кревеа, «христиане и мусульмане часто посещали друг друга, оказывали друг другу помощь в гражданских войнах, торговали между собой и даже вступали в союзы, заключая династические браки» (1, с. 125).

В мусульманском государстве проживало множество мосарабов – испанцев, которые восприняли арабский язык и культуру. Мосарабы продолжали исповедовать христианскую религию. Некоторые христианские праздники справляли совместно мосарабы и мусульмане. Был случай, когда одно и то же здание использовалось

как мечеть и христианская церковь. Поддерживая постоянные контакты с мусульманами, мосарабы обычно селились в отдельных кварталах (1, с. 132).

Важной социальной группой были также ренегаты – христиане, обращенные в ислам (это были либо испанцы, отрекшиеся от своей веры, либо родившиеся в смешанном браке мусульман и христиан). Хотя в руках ренегатов сосредоточивались промышленность и торговля, «их положение в государстве было неизмеримо ниже, чем арабских аристократов» (8, с. 75).

Арабы также испытывали влияние христиан. Появилось множество латинизированных мавров, или ладинов, – мусульман, язык которых воспринял латинские термины, особенности, свойственные речи мосарабов и ренегатов.

Лояльные отношения продолжали сохраняться и после того, как инициатива в Реконкисте перешла к испанцам, и они все дальше отесняли арабов на юг Пиренейского полуострова. По условиям капитуляции ряда городов маврам гарантировалась личная безопасность и неприкосновенность имущества. Правда, нередко эти обязательства нарушались.

Однако с середины XIII в. война приобрела характер крестового похода, терпимость сменялась религиозным фанатизмом. Христианские хроники начали изображать мусульман «не просто как “неверных”, но и как людей, связанных с Сатаной» (16, с. 271).

В отношении мавров к испанцам толерантность также сочеталась с возросшей агрессивностью. В мусульманских хрониках этого времени христиане представляли как «неверные враги Аллаха», им приписывались «предательство, обман и жестокость» (19, с. 33).

Тем не менее до конца Реконкисты в отношениях сторон превалировало лояльное отношение друг к другу. По условиям договора о капитуляции Гранады мусульманам предоставлялись широкие права, в частности: право свободно проживать в той местности и в тех домах, где они жили до сих пор; сохранение мусульманского культа, мечетей и права свободного выражения религиозных взглядов; запреты христианам входить в жилища мусульман и совершать какие бы то ни было насилия по отношению к ним; сохранение за маврами права назначать собственных правителей и судей; предоставление свободы всем военнопленным и т.д.

(1, с. 48). Мирный договор создавал благоприятные возможности для мирного сосуществования христианского и мусульманского населения.

Вскоре, однако, победители забыли об условиях капитуляции мавров. Католические короли Фердинанд и Изабелла (1479–1516) перешли от умеренной пропаганды христианизации к насильственному обращению мусульман в христианство. Не желавших принять новую веру власти бросали в тюрьмы и там продолжали добиваться своих целей. На одной из площадей Гранады было сожжено множество экземпляров Корана и других религиозных книг. В 1499 г. 50 тыс. мавров крестились (8, с. 161). Но так было не везде. В ряде районов Испании доведенные до отчаяния мусульмане поднимали восстания, с трудом подавлявшиеся властями.

11 февраля 1502 г. король и королева издали грамоту, предписав всем мусульманам Кастилии и Леона либо креститься, либо покинуть Испанию (немного раньше, в 1492 г., аналогичные действия были приняты против евреев). Многие из мусульман крестились, превратившись в морисков – обращенных мусульман.

Новоокрещенные мавры, так же как и евреи, находились под надзором инквизиции, поскольку их подозревали в том, что они продолжают тайно исповедовать свою прежнюю религию. Власти и инквизиция отслеживали «чистоту крови»: для занятия чиновничьих должностей и повышения в звании в армии каждый должен был предоставить доказательства того, что среди его предков не было мавров. Политика этнической дискриминации привела к возникновению в испанском обществе атмосферы враждебности между «новыми» и «старыми» христианами. В 1609–1614 гг. мориски были изгнаны из страны.

Однако депортация коснулась далеко не всех морисков. Одних спасли от репрессий богатые и влиятельные испанцы, нуждавшиеся в хороших работниках, другие состояли в смешанных браках. Примечательно, что эти мориски не были ассимилированы. Они сохранили свои традиции и культуру, внося заметный вклад в формирование многосоставной культуры Испании.

Другой пример встречи цивилизаций в зоне Средиземноморья – господство Турции на Балканах – территории, входившей в орбиту византийской цивилизации. На Балканах существовали две зоны, по-разному реагирующие на влияние Турции. Вся западная

часть Балкан, отгороженная горами, плохо поддавалась турецкой экспансии. Напротив, на востоке – от Дуная до Эгейского моря – прочно утвердились черты турецкой цивилизации.

В отличие от мусульман из Северной Африки, не посягавших на основы испанского образа жизни, турки разрушили устои болгарского общественного устройства. Они перебили и увели в Азию представителей местной знати, сожгли церкви, внедрили систему пожалований за дворянскую службу, которые превратились в наследственные владения аристократии. Турецкие завоеватели в Болгарии «не нуждались в покорении крестьян, которые уже находились в рабстве и привыкли к подчинению. Они были готовы трудиться дальше и трудиться» (4, с. 617–618). Турецкое влияние на развитие Балкан было велико. «Своим азиатским колоритом, столь заметным в быту Балкан, они обязаны турецкому исламу», – отмечает Ф. Бродель (4, с. 615).

Болгары, чтобы выжить, вынуждены были покориться турецкому нашествию. За долгие годы сосуществования с турками болгары, многое позаимствовав у них, не растворились в их массе. Болгары отстаивали лучшие черноземные территории, упорно защищая их. Турецкие крестьяне, переселившиеся из Малой Азии, вынуждены были довольствоваться лесистыми склонами или заболоченными участками. Несмотря на 500-летнее турецкое иго, болгары сохранили свою сущность. Они сумели сберечь то, что помогло им не раствориться, – свою веру и свой язык, залогом будущего возрождения (4, с. 620).

Таким образом, на Балканах, как и на Пиренейском полуострове, победители не сумели ассимилировать побежденных. В первом случае христиане, во втором мусульмане сохранили свою цивилизационную неповторимость, оказав при этом значительное влияние на культуру друг друга.

Средиземноморье в международной политике (XIX–XX вв.)

Изгнание мусульман из Испании стало одним из свидетельств определившегося к концу Средневековья преобладания Европы над мусульманскими странами в регионе Средиземного моря. Одновременно снизилось геостратегическое значение Средиземного моря, еще недавно казавшегося многим «центром мира».

Это обстоятельство было связано с развитием международных отношений на многих направлениях, в частности с открытием и освоением американского континента.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в. после начала функционирования Суэцкого канала, открывшего возможность транзита из Атлантического в Индийский океан и приблизившего метрополии к колониям. Великобритания, Франция, Италия, а позже Германия продолжили имевшую место и ранее борьбу за контроль над морем, которая продолжалась до середины XX в. Успех сопутствовал Великобритании и Франции. Лондону удалось поставить под свой контроль входы в Средиземное море – Гибралтар и Суэц. Франция, вытесненная из Средиземноморья Великобританией в конце XVIII в., вернулась туда в 1830-е годы, превратив в свою колонию Алжир, а позже установив протекторат над Тунисом и Марокко (в последнем случае совместно с Испанией).

В годы колониализма уровень единства, политических, экономических, социальных и административных связей между двумя берегами Средиземноморья был исключительно высок. По мнению А.В. Мальгина, в период XIX – первой половины XX в. «можно говорить о существовании единого Евро-Средиземноморского региона». После периода господства в Средиземноморском регионе Рима это был второй исторический прецедент существования единого, Большого Средиземноморья (10, с. 219).

В годы Второй мировой войны в Средиземноморье появилась новая сила – США, постепенно потеснившая европейские метрополии и оказавшая существенное влияние на развитие региона. Американские военные корабли прибыли сюда в 1942 г. для обеспечения высадки англо-американских войск в Северной Африке. В 1946 г. была сформирована средиземноморская эскадра, а в 1948 г. на ее основе был создан 6-й флот, основная задача которого состояла в контроле за развитием политических событий в Италии и на Балканах, поскольку здесь, по мнению США, существовала угроза распространения «коммунистической опасности».

В 1960-е годы на территории Испании находились авианосцы 6-го флота с самолетами-носителями ядерного оружия и стратегические подводные лодки с ракетами «Поларис», способными достичь территории СССР. Эти действия вызвали ответную реакцию СССР, противопоставившего США свою базовую авиацию и воен-

но-морской флот. Таким образом, Средиземноморье превратилось в зону, связанную прежде всего с военно-стратегическим противостоянием СССР и США на глобальном уровне (2, с. 53, 88). Военно-морские силы двух держав вошли в непосредственное соприкосновение. Их концентрация в Средиземноморье была выше, чем в какой-либо другой точке планеты.

Вообще в послевоенный период определился новый облик Средиземноморья как международно-политического региона. Крах колониальной системы привел к появлению независимых государств, ставших самостоятельными субъектами мировой политики. Возрастание их роли привело к усложнению вариантов развития афро-азиатской части Средиземноморья, его взаимодействия с северной частью и окружающим миром.

В Римском договоре 1957 г. были сформулированы основные цели и задачи Европейского сообщества в Средиземноморском регионе, заложены основы программы действий на средиземноморском направлении, дан стимул росту активности государств – членов ЕС в регионе. Договор предусматривал «ассоциацию с заморскими странами и территориями с целью увеличения торговли и совместного содействия экономическому и социальному развитию» (6).

В 1969 г. Сообщество подписало торговые соглашения с Марокко и Тунисом, в 1970 г. – с Мальтой, в 1972 г. – с Кипром, в 1975 г. – с Израилем. В 1970-е годы был подписан ряд соглашений об экономическом и финансовом сотрудничестве с Марокко, Алжиром, Египтом, Иорданией, Ливаном и Сирией. Новый импульс сотрудничеству придало вступление в ЕС стран Северного Средиземноморья – Греции (1981), Испании и Португалии (1986).

Современные реалии

В последние десятилетия геополитическое значение Средиземноморья в мировой политике уменьшилось. Южная Европа, Северная Африка, арабский Ближний Восток отстают по темпам научно-технического прогресса, развития процессов интеграции, уровню инвестиций от многих других регионов мира. Существенно и то, что ушло в прошлое прежнее острое противостояние в этом регионе Востока и Запада.

Тем не менее в постбиполярном взаимосвязанном мире Средиземноморье продолжает играть заметную роль в глобальной политике, что определяется наличием здесь крупных запасов энергоносителей и другого сырья, а также прохождением через регион путей транспортировки энергоносителей и других грузов.

Средиземноморье остается неотъемлемым компонентом мирового сообщества, от развития которого зависят судьбы международного мира и безопасности, одним из важнейших военно-стратегических плацдармов (14, с. 48).

Для России, тесно связанной со Средиземноморьем географически, исторически, политически, экономически и культурно, чрезвычайно важна стабильность в этом регионе. Однако достичь ее очень непросто. Средиземноморье – зона конфликтных отношений, оказывающих влияние на все мировое развитие. Здесь сохраняются многочисленные очаги напряженности.

Неурегулированными остаются застарелые ближневосточный и кипрский конфликты. Ощущается наследие войны на Балканах, ставшей крупнейшим дестабилизатором. Сильны проявления агрессивного национализма, действующего либо под флагом фундаментализма (Египет, Алжир, Ливия), либо на сепаратистской основе (Страна Басков, Каталония, Корсика). Волна смены политических режимов, прокатившаяся по арабскому миру и сопровождавшаяся усилением радикальных течений в исламе, создала дополнительную напряженность в отношениях между средиземноморским Севером и Югом.

Для государств, географически входящих в Средиземноморский регион, характерна разобщенность, отсутствие прочных горизонтальных связей. Средиземноморье представляет собой совокупность четко очерченных субрегионов, которые в одно и то же время являются и самостоятельными подсистемами международных отношений, и составными частями Средиземноморского региона. Общность политических проблем и отношений обуславливает то, что отдельные субрегионы дополняют друг друга. Одно и то же государство может одновременно быть составной частью нескольких субрегионов. Например, Греция входит и в субрегион Балканского полуострова, и в южноевропейский субрегион, включающий цепь государств от Португалии до Турции (2, с. 9).

Социально-политическую ситуацию в Средиземноморье все в большей степени определяет проблема Север-Юг. Различия в уровнях развития Северного (страны ЕС) и Южного Средиземноморья весьма велики.

В начале XXI в. страны северного побережья в четыре раза превосходили страны юга по выпуску промышленной продукции. Они давно сами обеспечивают себя сельскохозяйственной продукцией. На ЕС приходилось до 49% товарооборота стран Южного Средиземноморья, в то время как в общем объеме торговли ЕС доля последних не превышала 4%. Сложившаяся диспропорция оказывает негативное влияние на торговые балансы стран южного побережья, увеличивая их внешний долг.

В 2005 г. средний доход на душу населения в странах Северного Средиземноморья составлял 28 550 долл., в то время как в его южной части (за исключением Израиля) – 2085 долл., т.е. был меньше в 15 раз. В южной части Средиземноморья остро стоит демографическая проблема. Если в Италии, Франции и Испании прирост населения равнялся 0, то в Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, Турции эта цифра превышала 4% в год (10, с. 223; 18, с. 252.)

Многочисленные нерешенные проблемы южной части Средиземноморья прямо влияют как на стабильность и безопасность его северной части, так и на всю систему международных отношений. По справедливому замечанию Т.Г. Пархалиной, «Юг Средиземноморья – это взрывоопасный регион, где может быть спровоцирован кризис всей мировой системы международных отношений. Здесь имеют место практически все новые риски и вызовы международной и европейской безопасности: демографическая проблема, национализм всех видов, терроризм, экологическая угроза, миграция, распространение наркотиков и т.д.» (13, с. 114).

Растущие угрозы со стороны южного берега Средиземноморья никоим образом не означают отказа стран Севера от сотрудничества. Развитые страны, понимая, что проблемы развивающихся государств вряд ли могут быть разрешены без их помощи, вынуждены брать на себя как инициативу сотрудничества, так и большой груз ответственности (11, с. 7–8). Развивающиеся же страны южной части Средиземноморья надеются на приток иностранных инвестиций и настаивают на увеличении помощи со стороны ЕС.

Евросредиземноморское партнерство (его часто называют «Евромед») включает два взаимодополняющих направления – региональное сотрудничество и двустороннее взаимодействие ЕС с каждой из заинтересованных сторон. Последние десятилетия характеризуются принятием целого ряда инициатив по налаживанию широкомасштабного сотрудничества между Севером и Югом Средиземноморья.

Примером осознания необходимости общих усилий стала разработка мер по смягчению экологической напряженности в регионе, связанной с целым рядом факторов: резкое возрастание населения прибрежных районов, которое сосредоточено преимущественно в крупных урбанизированных зонах; использование Средиземного моря как транспортной артерии для перевозки нефти и нефтепродуктов; массовое употребление в сельском хозяйстве стран северного берега химических удобрений и т.д. (13, с. 121–123).

В начале 1990-х годов начал развиваться диалог между Францией, Италией, Испанией, Португалией, Мальтой и странами, вошедшими в состав образованного в 1989 г. Союза арабского Магриба – Алжиром, Ливией, Мавританией, Марокко и Тунисом, – в рамках формулы «пять плюс пять». Однако в дальнейшем по ряду причин (обвинения Ливии в государственном терроризме, сложности в отношениях между Алжиром и Марокко) диалог был прерван.

В 1990-е годы был запущен так называемый «Барселонский процесс», форум по средиземноморскому сотрудничеству, основой которого стали Новая интеграционная стратегия ЕС в Южном Средиземноморье 1992 г., Барселонская декларация 1995 г., Стратегия ЕС в районе Средиземноморья 2000 г., пятилетняя рабочая программа, принятая на Барселонском саммите 2005 г., несколько десятков основных рабочих документов. В основополагающей Барселонской декларации были определены ключевые принципы действий в политической, финансово-экономической, социальной и культурной областях: создание зоны стабильности и мира; экономическое процветание и улучшение условий жизни; инвестиции в страны Южного Средиземноморья; охрана окружающей среды; борьба с международной организованной преступностью и терроризмом; решение миграционных проблем. Среди первостепенных областей партнерства были названы проблемы миграции и борьбы против терроризма.

В ходе реализации принятых документов был профинансирован ряд инфраструктурных проектов, созданы программы по правам человека, сотрудничеству между городами, научному сотрудничеству. Однако во многих областях – сельском хозяйстве, рыболовстве, транспорте, энергетике, сферах занятости и окружающей среды – запланированные перемены не произошли. Не лучше обстояло дело с развитием демократии и прав человека, формированием региональной системы безопасности (в данном случае отрицательно повлияла эскалация арабо-израильского конфликта в начале XXI в.) (15). Можно согласиться с мнением испанского исследователя П. Гонсалеса де Миньо, что низкая эффективность деятельности членов ЕС объясняется «отсутствием у них политической воли, необходимой для осуществления собственных проектов» (18, с. 255).

Более успешно развивается двустороннее сотрудничество. Ему благоприятствуют исторически сложившиеся связи между некоторыми странами северной и южной частей региона.

Так, давние политические, экономические и культурные отношения связывают Францию – бывшую метрополию – со странами Магриба. После обретения независимости мощное французское влияние продолжает ощущаться в разных сферах жизни этих стран – административной системе, образовании, поведенческих стереотипах. Французский язык вошел в повседневную жизнь городских и сельских жителей. Возникли особые магрибинские диалекты арабского языка, в которых присутствует множество французских заимствований.

В центральных странах Магриба – Тунисе, Алжире и Марокко – Франция и Европа в целом воспринимаются как символы прогресса и процветания и являются образцом для подражания. «Сложилась ситуация, при которой населяющие Северную Африку народы не относят целиком себя лично ни к единой арабской умме, хотя на государственном уровне арабское единство не подвергается сомнению, ни к единому Магрибу. Магриб характеризуется действительно уникальным синтезом европейского и североафриканского, последний, в свою очередь, представляет собой переплетение берберских, арабских и африканских элементов... Внешне-политические ориентиры вполне естественно отражают и

опираются на многосоставный идентификационный базис», – отмечает И.М. Мохова (11, с. 12, 14–15).

Важным каналом межкультурных коммуникаций становится иммиграция. Нерешенность многих социально-экономических проблем, в частности высокий уровень безработицы, стимулирует широкомасштабную иммиграцию из Южного в Северное Средиземноморье и страны ЕС в целом. Многие мусульмане уезжают с родины из-за тяжелых условий существования, ограниченных возможностей социального продвижения. Европейские страны представляются им землей обетованной, где мечты об обеспеченном и стабильном будущем могут осуществиться.

Бурный рост иммиграции мусульман в Европу в последние десятилетия XX – начале XXI в. привел к формированию во многих государствах многочисленных диаспор. Наибольшее количество мусульман проживает во Франции (примерно 7 млн). Меньшие по численности, но также довольно заметные и активные мусульманские сообщества сформировались в Испании и Италии. Сейчас во всем ЕС насчитывается свыше 20 млн мусульман, ислам превратился во вторую по числу последователей религию после христианства. По некоторым оценкам, в третьей четверти XXI в. мусульмане будут преобладать в ЕС.

Рост мусульманских диаспор ведет к серьезным изменениям в отношениях между ними и принимающими странами. Еще 10–15 лет назад иммигранты довольствовались возможностями свободы вероисповедания и культурными правами, существующими в западных демократиях, желали скорее адаптироваться и не стремились подчеркнута выражать этноконфессиональную идентичность в общественно-политической сфере.

Ныне в отношениях между европейскими политиями и переселенцами из мусульманских стран образовался значительный конфликтный потенциал, сформированный противоречиями не только социально-экономического, но и ценностно-политического характера. Современное мусульманское присутствие в Европе бросает вызов не только интегративной способности демократических институтов, но также ценностям Просвещения и христианскому культурному наследию Европы. В европейских обществах все более заметно деление на немусульман и мусульман, крайние проявления которого – исламофобия, с одной стороны, и исламизм – с дру-

гой. Это противоречие не снимается в рамках политики мультикультурализма, основанной на традиционной для Запада либеральной парадигме защиты прав человека.

Вместе с тем европейский опыт последних десятилетий не подтверждает прогнозов о неизбежном конфликте цивилизаций. Характерен пример Испании. Спустя столетия после изгнания сотни тысяч мусульман вернулись в эту страну и в основном мирно сосуществуют с коренными жителями. В Испании доли сторонников и противников толерантного сосуществования испанцев и мусульман-иммигрантов не очень различаются. В 2008 г. 39% респондентов заявили о своем «очень» или «достаточно» толерантном отношении к мусульманской культуре. Напротив, для 50% эта культура «малопримлема» или «непримлема». 44% опрошенных коренных жителей согласились с тем, что иммигранты «обогащают нашу культуру», 46% с этим не согласились (17, с. 189, 204).

Показательно, что в отличие от ряда стран Западной Европы, например от соседней Франции, в Испании не сформировалась влиятельная праворадикальная националистическая партия и нет соответствующего лидера харизматического типа. Традиция толерантности к «иным» отнюдь не ушла из испанской жизни, подкрепляясь лояльным отношением значительной части мусульманской общины к западным ценностям.

Тем не менее работающей модели интеграции иммигрантов в европейские нации-государства не удалось найти до сих пор. Роль иммиграции в деле консолидации народов средиземноморских стран нельзя оценить однозначно. В определенной степени она благоприятствует развитию межкультурных коммуникаций стран Средиземноморья и одновременно из-за роста национализма и ксенофобии усугубляет их традиционную разобщенность, слабость горизонтальных связей, все в большей мере расценивается Севером как растущая угроза с Юга.

Ситуацию усугубил подъем политического ислама в результате волны смен политических режимов в ряде арабских стран. На Западе проводится целенаправленная кампания по маргинализации ислама, все больше распространяется исламофобия. Часть населения зачастую не делает различий между исламистами и экстремистами, обвиняя всех приверженцев исламской религии в том, что они проповедуют насильственные действия. В свою очередь,

радикальные исламисты обвиняют во всех своих бедах «разжиревший и коррумпированный Запад».

Современное Средиземноморье остается местом встречи разных цивилизаций, густонаселенным, раздробленным, взрывоопасным регионом. Оптимальным сценарием будущего могло бы стать преодоление дисбаланса, сближение уровней социально-экономического развития различных частей Средиземноморья, которое позволило бы добиться большего взаимопонимания живущих здесь народов, превращения региона в зону мира и сотрудничества. Возможность такого развития событий в решающей степени определяется волей политических элит как северной, так и южной частей Средиземноморья.

Список литературы

1. Альтамира-и-Кревеа Р. История средневековой Испании / Пер. с исп. Е.А. Вадковской, О.М. Гармсен. – СПб.: Евразия, 2003. – 608 с.
2. Арбатова Н.К. Средиземноморье: Проблемы безопасности. – М.: Наука, 1990. – 197 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Весь мир, 2007. – Т. 3: Время мира. – 731 с.
4. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – 808 с.
5. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Ч. 3: События. Политика. Люди. – 640 с.
6. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (Рим, 25 марта 1957 года, в ред. на февраль 1986 г.) // Петербургский правовой портал. – 2008. – 25 марта. – Режим доступа: <http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=26343>
7. Кофанов Л.Л. Римское право в формировании средиземноморской культуры // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1997. – М.: Наука, 1998. – С. 14–21.
8. Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 288 с.
9. Ланда Р. Средиземноморье: Общность истории и культуры // Отечественные записки. – 2004. – № 5 (20). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/sredizemnomore-obshchnost-istorii-i-kultury>

10. Мальгин А.В. Европа и Средиземноморье: Проблема единого пространства, безопасности и межрегионального взаимодействия // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО (У) МИД РФ: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 213–238.
11. Мохова И.М. Западное Средиземноморье: Проблемы интеграции. – М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2005. – 204 с.
12. Норвич Дж. Срединное море: История Средиземноморья / Пер. с англ. А.В. Короленкова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 797 с.
13. Пархалина Т.Г. Средиземноморье: Новые измерения безопасности // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1997. – М.: Наука, 1998. – С. 114–123.
14. Сорокин К.Э. Геополитические аспекты российской политики в Средиземноморье // Россия, Средиземноморье, Южная Европа. – М.: Институт Европы РАН, 1995. – С. 46–52.
15. Толкачев В. «Битва за Средиземье»: Часть 1 // Империя: Информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://www.imperiya.by/club4-7438.html>
16. Alvarez-Ossorio Alvarino I. El islam y la identidad española: De Al Andalus al 11-M // Nacionalismo español: Esencias, memoria e instituciones. – Madrid: Catarata, 2007. – P. 267–290.
17. Cea D'Ancona M.A., Valles Martinez M.S. Evolucion del racismo y la xenofobia en España: Informe 2009 / Gobierno de España, Ministerio de Trabajo e Inmigracion. – Madrid: OBERAXE, 2009. – 395 p.
18. Gonzalez de Miño P. La revitalizacion del Mediterraneo en la agenda de la Union Europea // Revista crítica de ciencias sociales y jurídicas: Critical review of social and juridical sciences. – Madrid, 2009. – N 1. – P. 243–257.
19. Sanchez Nogales J.L. El islam entre nosotros. Cristianismo e islam en España. – Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 2004. – 302 p.